

Феномен стратегических преимуществ в XXI веке

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: EVBalatskij@fa.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье поднимаются вопросы развития государств в период геополитической турбулентности. В частности, показано, что развитие мирохозяйственной системы имеет две фазы – моноцентричность с наличием определенного государства-лидера и установленного им мирового порядка и многополярность с нарастанием хаоса и борьбы многих стран за переустройство мира. В основе этих процессов лежит эффект масштаба, который на стадии многополярности действует преимущественно во внешней сфере в форме территориальной экспансии, а на стадии моноцентричности – во внутренней сфере в форме технологических инноваций внутри корпоративного сектора отдельных стран. Рассматривается восстановление феномена стратегических преимуществ, который долгое время почти не проявлял себя в геополитическом пространстве из-за пребывания мира в фазе моноцентричности. Для объяснения циклической активизации этого эффекта вводятся понятия самостийного (естественного) и управляемого (искусственного) развития наряду с утрачивающими свое значение понятиями опережающего и догоняющего развития; показано, что искусственное развитие существует в форме акселерации и сдерживания. Это позволило использовать наряду с технологической моделью И. Валлерстайна «центр – полупериферия – периферия», утратившей свою первоначальную объяснительную способность и релевантность, политическую модель суверенитета «лидер – спутники/противники – нейтральная зона». Предложен и обоснован количественный критерий стратегических преимуществ, согласно которому таковые наблюдаются при кратных различиях (в 2 раза и более) в экономических показателях сравниваемых стран. Для рамочного исследования применяются пять показателей: площадь территории; объем ВВП; численность населения; технологический уровень (душевой ВВП); наличие/отсутствие ядерного оружия; первые четыре параметра

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2024). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2

For citation: Balatsky E.V. (2024). The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2

оцениваются количественно с помощью индекса стратегических преимуществ, последний — на качественном уровне. Рассмотрены примеры проявления феномена стратегических преимуществ для двусторонних отношений: Азербайджан / Армения; Россия / Украина; Южная Корея / Северная Корея; Индия / Пакистан и др. Раскрыто значение данного эффекта для долгосрочной внешнеполитической стратегии России.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, эффект масштаба, феномен стратегических преимуществ, двусторонние отношения, потенциал.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В третьем десятилетии XXI века начали происходить геополитические события, которые еще недавно казались невозможными. Это, конечно, и прокси-война 2022 года на Украине между Россией и США, и военная аннексия в 2023 году Азербайджаном у Армении территории Нагорного Карабаха, и претензии Венесуэлы на большую часть Гайаны, и Тайвань в качестве перманентного камня раздора между США и Китаем. Все эти события роднит, с одной стороны, готовность их участников в случае необходимости применять силу, а с другой — наличие длительной предыстории накапливаемых противоречий. Есть основания полагать, что подобных ситуаций в мире вызревает достаточно много, чтобы системно заинтересоваться ими.

Даже неискушенный наблюдатель во всех указанных случаях может видеть некую длительную и вязкую стратегическую игру, которая в определенный момент ускоряется и заканчивается победой одной из сторон. В связи с этим мы вправе задать логичными вопросами: что общего у всех событий? Каков общий механизм их протекания? Что это сулит миру в будущем? Какой должна быть политика разных стран, и России в частности, для сохранения позиций в подобных стратегических противостояниях?

Цель работы состоит в получении внятных ответов на поставленные вопросы. Методология исследования базируется на структурном анализе мирохозяйственной системы; методической основой выступают страновые сравнения по ряду ключевых показателей. Новизна авторского подхода заключается во введении

дополнительных управленческих понятий, построении политической модели суверенитета в дополнение к технологической модели И. Валлерстайна, в объяснении феномена стратегических преимуществ и его цикличности на основе эффекта масштаба, а также его перераспределения по мирохозяйственной системе на разных этапах ее развития. Особое значение имеет предлагаемый количественный критерий идентификации факта наличия стратегических преимуществ у одной страны по сравнению с другой.

Главный цивилизационный тренд: глобализация и эффект масштаба

Последние исследования истории человечества за 70 тысяч лет убедительно показывают, что главная эволюционная закономерность состоит в расширении (глобализации) мирового производства и его ускорения во времени (Сакс, 2022). В основе указанной закономерности лежит так называемый *эффект масштаба*, в соответствии с которым рост производства (масштаба деятельности) ведет к росту его эффективности. В широкой трактовке более масштабный рынок ведет к специализации трудовых задач, росту числа изобретателей и стимулов к изобретениям, что в свою очередь способствует к снижению удельных издержек продукции. Иными словами, чем больше производство, тем выше его эффективность и быстрее его дальнейшее производство. Тем самым человечество на протяжении всей своей истории поднималось и развивалось за счет эффекта масштаба. Этот экономический эффект является краеугольным камнем динамики человеческой популяции.

Наличие эффекта масштаба естественным образом привело к тому, что за него шла постоянная конкуренция — разные государства боролись за свое расширение и внешнюю экспансию, ибо это делало их еще сильнее и эффективней. Неудивительно, что эпоха всадников по терминологии Джеффри Сакса, датируемая 3000–1000 гг. до н. э., ознаменовалась созданием легендарных древних цивилизаций в зоне «счастливых широт» (примерно между 25 и 45 параллелями северной широты планеты), а последовавшая за ней классическая эпоха (1000 г. до н. э. — 1500 г.) представляла собой непрерывную череду сменяющих друг друга империй внутри Евразийского континента. Дальше, в океаническую эпоху (1500–1800 гг.), империи стали трансконтинентальными и обрели способность простирается далеко за физические границы метрополий (Сакс, 2022). Резонно задать вопрос: коль скоро все эти империи неизменно разваливались, то зачем они с такой настойчивостью и регулярностью снова создавались?

Ответ видится следующим: каждое государство старалось «оседлать» эффект масштаба и сделаться за счет этого сильнее, но теоретически определить пределы этого движения нельзя; это выясняется только в процессе самой экспансии, когда выгоды от расширения постепенно нуллифицируются. Но именно задействование эффекта масштаба каждой империей приводило к поразительному прогрессу и новым эволюционным достижениям; в противном случае человечество так и осталось бы в пещерах. Именно поэтому никакие исторические неудачи не могли охладить пыл последующих завоевателей. Например, исторический провал Наполеона Бонапарта в походе на Российскую Империю никак не остудил желания Адольфа Гитлера идти на СССР. Единожды оседлав эффект масштаба, ни Наполеон, ни Гитлер, ни кто-либо еще уже не могли отказаться от его дальнейшей эксплуатации.

Однако в капиталистическом мире проявления эффекта масштаба стали более многообразными и нелинейными, нежели в рабовладельческую и феодальную эпохи. Напомним, что для стадии капитализма характерна смена циклов накопления капитала с соответствующим государством-лидером и двумя смежными фазами — территориальной экспансией и вну-

тренней капитализацией (Арриги, 2006). В литературе также подробно рассмотрен вопрос о смене режимов моноцентричности и многополярности в рамках цикла накопления капитала (Balatsky, 2022). На стадии режима моноцентричности, когда в мире действует государство-лидер, на некоторое время устанавливается такой порядок, когда эффект масштаба из *внешней сферы*, связанной с изменением границ многих стран, переходит преимущественно во *внутреннюю сферу*, где он эксплуатируется внутри производственных компаний и предприятий. По истечении определенного времени эффект масштаба во внутренней сфере также исчерпывает себя, после чего мирохозяйственная система переходит в режим многополярности с присущей ему геополитической дестабилизацией, внешней экспансией и сменой прежних границ многих государств — до окончательного определения новой страны-лидера и формирования нового порядка с последующей стабилизацией. Таким образом, циклическая смена режимов *моноцентричности* и *многополярности* связана с «переливом» эффекта масштаба из внутренней во внешнюю сферы и обратно. Подчеркнем, что сам эффект масштаба благодаря смене режимов работает всегда — исчерпание его возможностей в одном организационном статусе (например, внешнем) требует перехода в другой статус (внутренний); и так до бесконечности вплоть до окончательной гибели человеческой цивилизации или радикальной смены характера социальной динамики.

Приведенные рассуждения позволяют глубже понять специфику современного момента. Так, США, став в начале XX века глобальным лидером, а после 1945 года дополнительно укрепив свои позиции, построили под себя мировой порядок и активно эксплуатировали эффект масштаба во внутрикорпоративной сфере (сами корпорации при этом стали транснациональными и были рассредоточены по всему миру). Однако, достигнув в 1980-х годах пика могущества и экономической эффективности, Америка в последующие годы оказалась перед лицом постепенно иссякающего эффекта масштаба в корпоративной сфере. К тому времени данный эффект «оседлал» Китай и за счет этого стал обретать беспрецедентное экономическое могущество, ставшее сегодня примерно равным американскому. В такой ситуации дальнейший

инерционный ход событий будет действовать уже не в пользу США, что и заставляет американский истеблишмент искать новый формат мирового порядка и новую геополитическую конфигурацию. Фактически это означает переход страны-лидера к внешнеполитической активности и переформатированием геополитического пространства с возможным переделом границ многих государств. В свою очередь некоторые из стран-аутсайдеров, усилившиеся за минувшие десятилетия, начинают делать все более явные попытки перехватить инициативу и использовать открывшееся для них окно возможностей в переустройстве мира на основе имеющихся у них стратегических преимуществ.

Феномен стратегических преимуществ: сущность и специфика

Сказанное выше провоцирует следующий резонный вопрос: а почему страны, имеющие сегодня стратегические преимущества, не использовали их раньше?

Для ответа на него необходимо внести ясность в некоторые другие вопросы. Дело в том, что до самого последнего времени экономическая наука оперировала такими понятиями, как *опережающее* и *догоняющее развитие*. В рамках современных представлений опережающее развитие рассматривалось как альтернатива догоняющему развитию: догоняющее развитие предполагает встраивание в мирохозяйственную систему на основе воссоздания базовых институтов стран-лидеров; модель опережающего развития базируется на конструировании новых национальных институтов, обеспечивающих прогресс даже по отношению к самым передовым странам мира (Левин, Саблин, 2021). Таким образом, опережающее развитие было характерно для стран центра мирохозяйственной системы, которые во многих отношениях выступали лидерами, а догоняющее развитие стало уделом государств периферии и полупериферии. Такое деление позволяло экономистам изучать примеры успехов и неудач в отношении стран догоняющего развития и делать далеко идущие выводы о разумности и целесообразности проводимой ими политики.

Яркими примерами успеха много лет служили послевоенные Япония и Германия, а позже — такие «азиатские тигры», как Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. В ряде случаев исследования истории успехов указанных

стран вуалируют принципиальные моменты и выпячивают нейтральные факторы, например становление информационного общества и удачные формы частно-государственного партнерства (Белова, 2019). Довольно часто в литературе встречаются попытки приписать успех Японии ее уникальному подходу к бизнесу и кадрам (Лайкер, 2005). В контексте последних политических событий представляются почти курьезными такие составляющие успеха стран поздней индустриализации, как создание среды для широкого привлечения иностранных инвестиций и активное участие в международном разделении труда (Петухов, 2023).

Однако сегодня совершенно очевидно, что подобные рассуждения крайне поверхностны, хотя и не лишены определенного резона. Дело в том, что названных «азиатских тигров» на самом деле было бы правильнее назвать «азиатскими сусликами»: Гонконг и Сингапур — это карликовые города-государства (первое из них уже утратило статус суверенности, войдя в состав Китая), Тайвань — всего лишь остров, не имеющий политической автономии, а Южная Корея — меньший фрагмент бывшего единого государства. Распространять опыт этих стран-гномов на другие «полноценные» страны совершенно беспочвенно. Но главное состоит в другом. Указанные государства ни в какой степени не являются суверенными. Южная Корея изначально создавалась в качестве плацдарма против Северной Кореи и таковым остается до сих пор с соответствующей атрибутикой — американскими военными базами на своей территории. Гонконг даже исторически использовался европейцами лишь в качестве торговой гавани в Китае, сейчас он уже потерял самостоятельность и поглощен континентальным Китаем. Патронаж над Тайванем после Второй мировой войны перешел от Японии к США, и теперь остров является стратегической базой Америки против Китая, в отношении чего уже закрутился достаточно тугий узел политической конфронтации между двумя гигантами; скорее всего, в недалеком будущем остров воссоединится с континентальным Китаем и окончательно потеряет свою суверенность. Сингапур также всегда служил перевалочным торговым пунктом в соответствующем регионе, входил в состав Малайзии и даже после обретения самостоятельности остался в орбите Великобрита-

нии и США, о чем свидетельствует его государственный язык – английский. Таким образом, названные страны являются дружественными по отношению к США и Западному блоку, а потому их успех базируется на *поддержке* со стороны мирового гегемона, для которого это можно считать своеобразным политическим экспериментом.

В научной литературе эти идеи уже получили широкую поддержку. Так, некоторые исследователи подчеркивают, что главным фактором успеха «азиатских тигров» явилась холодная война, когда стратегия «сдерживания коммунизма» побуждала США способствовать построению «хорошего» капитализма в качестве альтернативы советскому и китайскому влиянию (Красильщиков, 2020). С этой же целью в 1967 году была создана региональная интеграционная Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединившая первоначально 5 государств – Малайзию, Индонезию, Сингапур, Таиланд, Филиппины – и призванная, по замыслам ее создателей и США, противостоять «красной опасности» в регионе (Красильщиков, 2003). В других исследованиях подчеркивается, что успех названных стран был бы невозможен без соглашений о свободной торговле, что традиционно являлось прерогативой США (Новиков, Лихарева, 2020).

К сказанному можно добавить, что Япония и Германия после Второй мировой войны поддерживались США в качестве потенциальных плацдармов против СССР; даже объединение Восточной и Западной Германии под патронажем США и НАТО также имело целью усиление означенного антисоветского плацдарма. Эта же мотивация стала основой «подтягивания» стран Восточной Европы после 1991 года до современных экономических стандартов с последующим включением в Евросоюз и блок НАТО. Даже восхождение Китая, скорее всего, не состоялось бы, если бы США в свое время не решили использовать его в противостоянии с СССР. Ирония истории состоит в том, что СССР рухнул, а Китай за прошедшие годы успел непомерно разрастись и превратиться в самостоятельную геополитическую силу, рассматривающую США как своего главного конкурента и узурпатора глобальных ресурсов (Кузнецов, 2018). Однако это не отменяет того факта, что без американских инвести-

ций и технологий, а также без созданного для Поднебесной торгового режима максимального благоприятствования, открывшего для нее внутренний рынок Америки, нынешний успех восточного гиганта был бы невозможен.

В более поздних исследованиях рассматривался парадокс постоянно растущего несоответствия результатов догоняющего развития стран поставленным целям (Евстигнеева, Евстигнеев, 2012; Евстигнеева, Евстигнеев, 2013). Было высказано и более радикальное мнение, согласно которому само содержание «правильной» политики меняется с переходом от одной стадии модернизации к другой, а потому попытки копирования чужого успеха обречены на провал (Полтерович, Попов, 2006). В свете же последних событий, свидетельствующих о кризисе западной цивилизации из-за исчерпания потенциала механизмов экономической и политической конкуренции, высказывается мнение о необходимости коренного пересмотра стратегий развития догоняющих стран (Полтерович, 2023).

К понятию догоняющего развития примыкает более позднее понятие *конвергентного роста*, согласно которому успешная стратегия развития страны предполагает ее встраивание в мировое разделение труда и глобальные экономические тренды. Именно такая стратегия во второй половине XX столетия дала впечатляющие успехи в лице «азиатских тигров», Японии и Германии. И наоборот, такие суверенные страны с «недемократическими» политическими режимами, как Северная Корея, Иран, Ирак, Венесуэла, а теперь и Россия, долгое время демонстрировали сомнительные экономические результаты из-за якобы неверно выбранного ими режима политического правления. Однако, как справедливо отмечают исследователи, в условиях противостояния названных стран и США взаимная и непротиворечивая увязка эндогенных и экзогенных факторов устойчивого роста становится нетривиальной (Таран, Жиронкина, 2021).

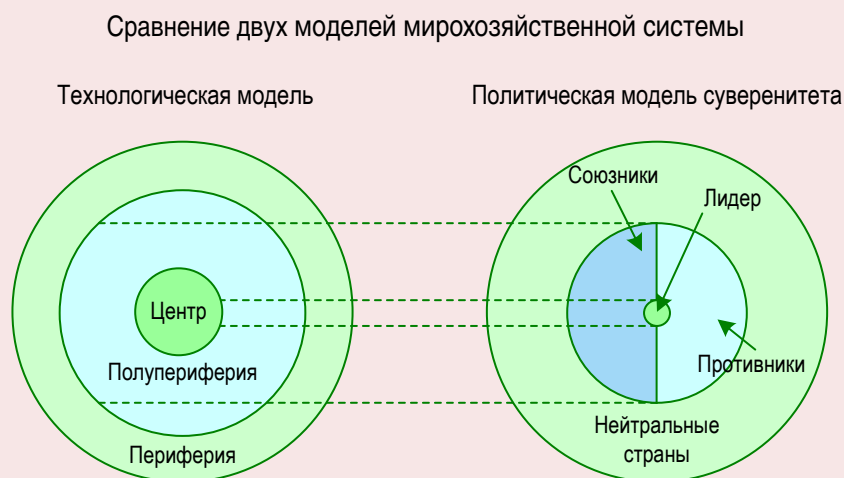
В отношении Ирана достаточно напомнить, что уже в начале 1950-х годов в ответ на национализацию британской нефтяной компании он подвергся бойкоту, связанному с его нефтепродуктами, со стороны Великобритании и США, после чего эти две страны инициировали процесс свержения инициатора программы национализации премьер-министра страны Мохам-

меда Мосаддыка. С 1979 года, когда в Иране произошла Исламская революция, страна уже почти полвека находится под санкциями; меняется только масштаб и жесткость экономического давления. Тем не менее Иран делает поразительные успехи в ракетной и ядерной программах, медицине и фармацевтике, сферах автомобилестроения и гражданской инфраструктуры. Примерно такая же ситуация характерна для Северной Кореи, особенно с учетом наличия у нее ядерного оружия и солидного военного потенциала, что отсутствует у ее соседа и признанного «азиатского тигра» — Южной Кореи. В связи с этим правомерно задать встречный и отчасти риторический вопрос: не являются ли именно Иран и Северная Корея примерами истинного успеха экономического развития в послевоенное время, невзирая на все помехи со стороны США?

Приведенные доводы позволяют поставить объяснительную способность концепции конвергентного роста под сомнение. Было бы правильнее говорить о том, что в мире сегодня следует различать *самостийное (естественное)* и *управляемое (искусственное)* развитие. После того как Британия обрела статус мирового гегемона, успешное или, наоборот, неудачное развитие многих стран было напрямую связано с действиями государства-лидера, которое в соответствии со своими стратегическими приоритетами некоторым странам помогало, а некоторым — откровенно мешало. Нынешняя же

гегемония США стала еще более масштабной и всеобъемлющей по сравнению с британской (Арриги, 2009), что делает еще более наглядными процессы *искусственного развития* и *сдерживания*. Тогда самостийное развитие имеет место только для суверенных государств, не испытывающих заметного влияния извне; управляемое развитие характерно для стран с заметным позитивным или негативным внешним влиянием со стороны государства-лидера. Такое положение дел уже не может быть адекватно объяснено традиционной моделью мирохозяйственной системы Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein), согласно которой на планете имеется три группы стран — центр, периферия и полупериферия (Валлерстайн, 2006). В сложившихся обстоятельствах объяснительная релевантность модели Валлерстайна теряет свою универсальность и модель становится ограниченно применимой для понимания геополитических процессов. Следовательно, технологическая модель требует либо какой-то альтернативы, либо дополнения.

Если модель Валлерстайна можно назвать *технологической*, ибо она подразделяет страны по уровню технологического и экономического развития, то предлагаемую альтернативную модель можно назвать *политической*, так как в ее основе лежит отношение стран к государству-лидеру. Графически *технологическая модель* Валлерстайна и *политическая модель суверенитета* отражены на рисунке.

В модели Валлерстайна центр (Ц) представлен относительно небольшой группой наиболее богатых и технологических развитых стран; полупериферия (ПП) объединяет группу развивающихся стран, у которых сочетаются признаки технологических успехов и провалов; периферия (П) состоит из бедных и технологически отсталых стран. В политической модели ядром мирохозяйственной системы выступает государство-лидер (Л) (сегодня – США); второй контур образуют две группы относительно развитых в технологическом отношении стран – союзники (сателлиты) лидера (СЛ) и его противники (ПЛ); в зоне третьего контура оказываются относительно нейтральные (ОН) и, как правило, недостаточно развитые государства, выпавшие по тем или иным причинам из фокуса внимания страны-лидера. На рисунке пунктирными линиями показано, что ядро системы в политической модели гораздо меньше, чем в технологической, тогда как зона второго контура, наоборот, гораздо шире. Соответственно, США поощряет развитие своих сателлитов и сдерживает своих противников, что имеет непосредственное отношение к режимам искусственного развития и искусственного сдерживания.

К сказанному следует сделать две ремарки.

Первая состоит в том, что относительно нейтральные страны, как правило, характеризуются не только экономической бедностью и технологической отсталостью, но зачастую и отсутствием природных богатств; в противном случае они попали бы в разряд союзников или противников США. Например, Россия является одним из крупнейших и самым диверсифицированным поставщиком углеводородов в мире, а Иран и Венесуэла относятся к уникальным странам, у которых с течением времени запасы углеводородов не падают, как у остальных государств, а возрастают (Балацкий и др., 2016). По странному стечению обстоятельств политические режимы всех трех стран давно объявлены Соединенными Штатами недемократическими, а сами государства либо относятся к «оси зла», либо претендуют на попадание в эту обойму.

Вторая ремарка касается того факта, что управляемое развитие в форме управляемой *акселерации*, строго говоря, не является абсо-

лютным благом для страны-бенефициара. Фактически это своеобразный *политический кредит*, за который государство в определенный момент должно расплатиться, хотя теоретически такая ситуация может вообще никогда не наступить. За примерами далеко идти не надо. Южная Корея стала развитой страной мира, но в случае вооруженного конфликта между США и Северной Кореей она выступит разменной монетой в этой большой игре со всеми вытекающими отсюда последствиями. Украина также долго получала прямую и непрямую материальную поддержку от США, но платой за это стало ее превращение в территорию прокси-войны Запада и России. Действия США и Великобритании по разрыву поставок российских углеводородов в Европу в первую очередь были направлены на ослабление России, однако в результате этого в максимальной степени страдает союзник США и промышленный лидер Европы – Германия, экономика которой в условиях более дорогого сырья становится неконкурентоспособной.

Ранее уже отмечалось, что до поры до времени стратегические преимущества могут не проявляться. Теперь становится ясно, с чем это связано. Так, если страна обладает стратегическими преимуществами, но в рамках сложившегося мирового порядка не может ими адекватно воспользоваться, ибо в отношении нее проводится политика сдерживания со стороны государства-гегемона, то ее потенциал оказывается как бы в спящем состоянии. При разрушении старого порядка и возникновении геополитической турбулентности указанная страна начинает «просыпаться» и «включать» свои преимущества, чтобы использовать открывшееся окно возможностей и в будущем стать самостоятельным фактором переобустройства мира с изменением ее положения в новой иерархии.

Использование политической модели суверенитета вместо модели Валлерстайна дает совершенной иной расклад сил в мирохозяйственной системе. Например, страны Европы, Япония, Южная Корея и Тайвань, традиционно относящиеся к центру системы, в новой интерпретации образуют группу зависимых сателлитов нынешнего гегемона; Иран, Россия и Северная Корея, входящие в разряд полупериферии, образуют группу противников США.

Однако обе эти подгруппы образуют единый контур мировой экономики и находятся примерно на одном технологическом и цивилизационном уровне. Любопытно, что по классификации Валлерстайна Китай до сих пор относится к развивающимся странам и попадает в категорию полупериферии, что весьма нелогично; отнести его к центру также представляется проблематичным из-за его низкого душевого ВВП. Все это лишний раз говорит о крайне ограниченной релевантности технологической модели Валлерстайна для понимания группового расклада сил в новых геополитических условиях.

Помимо всего прочего, сказанное выше подводит к пониманию того, что феномен стратегических преимуществ в отдельных странах подвержен циклическим колебаниям: иногда он оказывается искусственно «придавлен» страной-лидером, иногда поощряется ею, а в ряде случаев вырывается из-под ее контроля.

Феномен стратегических преимуществ: методология измерения

Как было отмечено ранее, феномен стратегических преимуществ имеет огромное значение. Во-первых, он периодически меняет весь геополитический ландшафт мира, во-вторых, во многих случаях инициирует политическую активность стран, которая может доходить до развязывания войн разного калибра. В связи с этим правомерно задаться вопросом по поводу того, что именно позволяет нам говорить о наличии или отсутствии феномена стратегических преимуществ. Существуют ли количественные признаки его наличия?

На поставленный вопрос можно дать положительный ответ. Прежде всего в современной литературе рассматриваются конкурентные стратегические преимущества компаний на рынке, а также различные меры интеграции фирм для увеличения своих рыночных преимуществ (Вякина, 2021). Уже подробно изучены разные школы в понимании стратегических преимуществ компаний и их типология (Громова, 2019), среди которых уже стала классической стратегия рыночного позиционирования М. Портера (Портер, 2016). Более сложной в плане оцифровки выглядит ставшая уже классической концепция понимания стратегических преимуществ фирм как способности к координации и комбинированию разнообразных процессов (Теесе

et al., 1997). Применительно к государствам понятие стратегических преимуществ, как правило, напрямую переносится с компаний и иногда дополняется понятием стратегических интересов¹. Вместе с тем количественные критерии по-прежнему редко используются в данной проблематике, в связи с чем здесь можно предложить следующий подход.

Ранее уже предлагался макроэкономический критерий *значимости* или *принципиальности* экономических изменений, суть которого сводилась к следующей классификации: *незначительными* могут считаться различия менее 10% от базового (сравниваемого) значения, *существенными* – более 10 и менее 100%, *принципиальными* – более 100% (Балацкий, 2018). Последняя группа различий предполагает, что кратные изменения (более чем в 2 раза) какого-либо экономического явления свидетельствуют о его принципиальной трансформации. Речь идет о том, что за пределами указанных количественных различий можно уже говорить о совершенно иной стадии развития изучаемого явления, что эквивалентно принципиальному (качественному) изменению самого явления, его перерождению в нечто иное. Резюмируя сказанное, можно сформулировать *принцип качественной трансформации* экономического явления: *при наблюдении кратных различий (изменений) в экономическом показателе можно говорить о качественной несопоставимости в исследуемом явлении (процессе)*.

В литературе отмечался тот факт, что данный принцип сугубо эмпирический и эвристический (Балацкий, 2018). Однако это обстоятельство не делает его менее работоспособным. Интерпретация введенного критерия позволяет лучше понять его суть. Например, если человек получает доход в x рублей, то увеличение дохода на 2,5% он может даже не заметить; если доход возрастет на 25%, то это будет заметное улучшение благосостояния, но радикально жизнь индивидуума все-таки не изменится; если же прирост дохода составит 150% (т. е. увеличится в 2,5 раза), то это уже будет совсем другая жизнь (Балацкий, 2018). Иная крайне понятная интерпретация может быть взята из мира бокса.

¹ Стратегические интересы России в глобальной экономике: сборник научных статей (2015). М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова. 120 с.

Так, спортсмен весом в 60 кг находится в легкой весовой категории; при возрастании веса на 2% (+ 1,2 кг) боксер остается в своей весовой категории, на 20% (+ 12 кг) — он переходит в другую категорию и становится средневесом, на 100% (+ 60 кг) — оказывается в супертяжелом весе. Представители легкой и супертяжелого весов не могут боксировать из-за принципиальной несопоставимости их ударной мощи.

Этот принцип работает на микро- и макроуровне, но на мегауровне, когда сравниваются целые страны, он проявляется в еще более рафинированной форме.

Здесь следует сделать определенные методологические замечания. Во-первых, принцип качественной трансформации, равно как и любые другие критерии такого рода, не является универсальным. Например, для малых/больших исходных величин он может терять свою изначальную продуктивность. Например, в отношении приведенного выше примера с благосостоянием субъекта можно говорить о маргинальном случае, когда исходный доход настолько мал, что даже его кратное увеличение не приводит к качественно иной жизни в сравнении с окружающим внешним миром. В случае примера с боксерами возможна прямо противоположная ситуация, когда возрастание среднего веса даже на 50% оказывается настолько значимым, что ведет к качественному изменению ситуации. Это ограничение следует учитывать и в случае международных сравнений, избегая маргинальных объектов. Во-вторых, количественная граница качественной трансформации системы может обсуждаться, однако само ее существование не вызывает сомнения. Теоретически можно предположить, что численное выражение границы является иным, но сама логика исследования феномена стратегических преимуществ останется прежней. Так как логическое выведение указанной границы невозможно, то можно ограничиться предложенной эвристической оценкой.

Сказанное позволяет непосредственно подойти к проблеме стратегических преимуществ, к каковым относятся качественные преимущества страны по отношению к своим конкурентам по пяти-шести признакам: площадь территории, богатство природных ресурсов, масштаб экономики, численность населения, технологические и военные достижения. Разумеется,

это список может быть существенно расширен и детализирован, как это делается, например, в нормативных документах программного типа, однако оперировать несколькими десятками показателей достаточно неудобно и, скорее всего, не имеет смысла для понимания принципиальной диспозиции в расстановке стран. В качестве конкретных хорошо верифицируемых признаков феномена стратегических преимуществ можно ограничиться следующими: 1) площадь территории страны; 2) объем ВВП; 3) численность населения; 4) технологический уровень (душевой ВВП / производительность труда); 5) наличие/отсутствие ядерного оружия. Большое значение имеет фактор запаса природных ресурсов, однако с его замером есть множество нетривиальных проблем, в связи с чем в дальнейшем от его использования сознательно откажемся.

При сравнении двух стран указанные признаки могут подвергаться дополнительной обработке с помощью различных вторичных процедур. Например, частные показатели могут усредняться, а могут просто складываться; возможны и более сложные алгоритмы агрегирования отдельных сторон потенциала государства, от которых мы воздержимся.

Конкретизация предложенного подхода предполагает получение итоговой количественной оценки соотношения потенциалов между двумя странами с помощью простейшего усреднения частных показателей:

$$I = (I_L + I_N + I_E + I_T)/4, \quad (1)$$

где I_L , I_N , I_E и I_T — индексы отношения двух стран по площади территории (L), населению (N), ВВП (E) и душевому ВВП (T) соответственно; ядерный военный потенциал для рассматриваемых стран в дальнейшем будем учитывать на *качественном уровне* в виде соотношения факта наличия/отсутствия (+/–) ядерного оружия в связи с тем, что количественная оценка в данном случае затруднена и, строго говоря, не имеет большого значения.

Исходя из предыдущих построений и рассуждений, критерий наличия стратегического преимущества у одной страны по сравнению с другой можно записать следующим образом:

$$I > 2. \quad (2)$$

Определенного комментария заслуживает показатель душевого ВВП, используемый в качестве прокси-переменной технологического прогресса. В данном случае предполагается, что вполне удовлетворительным измерителем технологического уровня страны служит показатель производительности труда, который в свою очередь практически для всех стран мира тесно коррелирован с душевым ВВП. Эти обстоятельства позволяют перейти к указанному измерителю.

Само усреднение (1) является максимально простым из возможных при отсутствии априорных оснований выбрать какой-либо более изощренный способ взвешивания потенциалов разной природы. Заметим, что показатель плотности населения автоматически учитывается в формуле (1) благодаря индексам площади земли и численности населения.

Критерий (2) и его эвристическая основа уже обсуждались выше, однако к сказанному можно добавить дополнительный аргумент в виде квадратичного закона Ф. Ланчестера (Lanchester, 1916). Согласно этому закону, при военном столкновении двух армий соотношение их сил подчиняется квадратичному закону при условии, что ущерб, наносимый одной стороной за единицу времени другой, пропорционален силе этой стороны. Это означает, что, например, при двукратном превосходстве сил одной из сторон ее реальное военное преимущество будет четырехкратным (Турчин, 2024, с. 322). В настоящее время данному закону посвящено огромное число статей (см., например, Engel, 1954; Ragheb, 2015). Сказанное означает, что при геополитическом столкновении двух стран перевес одной из них будет стремительно возрастать, когда ее потенциал превысит двукратную отметку. Именно этим обстоятельством можно дополнительно обосновать критерий (2).

Наконец, совершенно очевидно, что сравнение потенциалов на основе правил (1) и (2) может вестись не только для выбранных пар государств, но и для разных групп стран, например геополитических альянсов и блоков; логика расчетов остается прежней с учетом сложения групповых потенциалов.

Введенное понятие стратегических преимуществ имеет огромное значение для мировой политической системы, ибо оно продуцирует наличие *асимметричности во внешней политике* разных стран. Если государство по сравнению

со своим соседом или конкурентом не имеет стратегических преимуществ, то его поведение должно быть *максимально осторожным*, а политика *предельно выверенной и миролюбивой*; в противном случае стратегический потенциал конкурента будет активизирован против него с непредсказуемыми последствиями. И наоборот, страна, обладающая стратегическими преимуществами и стремящаяся реализовать стратегический потенциал, должна в определенных случаях *обострять ситуацию* и *рисковать*, ибо только в случае *агрессивной (экспансионистской) стратегии* она может принципиально улучшить свое геополитическое положение. Субъективные установки руководителей государств могут на некоторое время блокировать указанную бинарную политическую логику, однако смена руководства, скорее всего, будет реанимировать ее. Нестыковка объективных и субъективных факторов вносит свой вклад в нерегулярность проявления феномена стратегических преимуществ, но не ликвидирует его.

Сказанное имеет первостепенное значение для разработки взвешенной политики любой страны, России в частности. Это нетривиальная проблема, ибо слишком агрессивная политика страны со значительным стратегическим потенциалом может привести к печальным последствиям. В недавней истории примерами таковых служат Франция времен наполеоновских войн и гитлеровская Германия; в более позднее время соответствующий пример дает Ирак с его авантюрной агрессией в отношении Кувейта, на страже интересов которого стояли США. Из древней истории ярким примером тому может служить Митридат VI Евпатор, который в непримиримой борьбе с Римской Республикой окончательно потерял Понтийское царство, оказавшееся расчлененным на куски и розданным союзникам Рима. Чрезмерные амбиции Тиграна II (Tigranes) Великого и его союз с Митридатом также привели к урезанию Великой Армении и попаданию государства под протекторат Рима.

В современном мире феномен стратегических преимуществ вступил в новую фазу и начинает все активнее проявляться в разных регионах мира. Рассмотрим это явление на нескольких наиболее характерных примерах, что позволит уяснить основу геополитической диспозиции в мирохозяйственной системе.

Эффект стратегических преимуществ: двусторонние отношения

Двусторонние отношения на фоне эффекта стратегических преимуществ характерны преимущественно для стран-соседей. В связи с этим рассмотрим из этой потенциальной выборки две подгруппы стран – те, которые проигнорировали указанный эффект с печальными последствиями для себя, и те, которые либо дали достойный ответ на него, либо использовали его в своих целях. Этими соображениями продуцируется выбор нескольких пар государств, которые будут рассмотрены ниже. Заранее оговорим, что к первой подгруппе стран относятся Армения и Украина, ко второй – Северная Корея, Пакистан и Азербайджан. При желании число примеров может быть увеличено, однако предлагаемого иллюстративного материала вполне достаточно для понимания сущности обсуждаемой проблемы.

1. Азербайджан / Армения. Первый пример связан с событиями 2023 года, когда Азербайджан вооруженным путем присоединил к себе территорию Нагорного Карабаха. Эта история хорошо известна, однако уже в 1991 году, когда между двумя государствами возник конфликт по поводу территории Карабаха и Армения смогла отвоевать ее в свою пользу, было ясно, что в перспективе ситуация разрешится в пользу Азербайджана.

Для картографии возникшего конфликта между Арменией и Азербайджаном рассмотрим

таблицу 1, в которой фигурируют введенные структурные характеристики.

Из таблицы 1 видно, что Армения вступила в территориальный конфликт в условиях, которые можно охарактеризовать как провальные. По всем четырем направлениям Азербайджан превосходил Армению более чем в 2 раза, что соответствует качественному превосходству. При этом ключевое значение имеет то, что за прошедшие 30 лет Армения не сократила, а углубила свое отставание почти по всем направлениям. При этом в 2022 году усредненное преимущество Азербайджана по территории, населению и экономическому потенциалу составляло 3,2, а по всем четырем показателям $I = 2,7$, что полностью соответствует критерию (2) и фактически лишало Армению шанса на победу в вестующемся территориальном споре. Хотя отсутствие у обеих стран ядерного оружия и примерный паритет в технологическом развитии немного выравнивало ситуацию, кардинально оно ее не меняло.

Приведенные факты относительно тотального стратегического превосходства Азербайджана были видны еще в начале конфликта, однако руководство Армении проявило крайнюю недалекновидность в его урегулировании. Оно заняло непримиримую и агрессивную позицию по поводу Карабаха (Арцаха), тогда как ситуация с населением и экономикой постоянно ухудшалась. На этом фоне Азербайджан воспользовался поддержкой Турции и своим

Таблица 1. Относительные показатели потенциала Армении и Азербайджана

Относительный показатель	Год	
	1992	2022
Население (I_N)		
Азербайджан / Армения	2,16	3,46
Экономический потенциал (ВВП) (I_E)		
Азербайджан / Армения	5,77	3,43
Технологический потенциал (душевой ВВП) (I_T)		
Азербайджан / Армения	2,67	0,99
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
Азербайджан / Армения	–/–	–/–
Территориальный потенциал (I_L)		
Азербайджан / Армения	2,76	
Азербайджан / (Армения+Карабах)	2,41	
(Азербайджан+Карабах) / Армения	2,91	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

преимуществом в наличии природных ископаемых, а армянское руководство постепенно отдалялось от России, пытаясь обрести новых союзников в лице США и Франции. Итогом такой политики стала не просто окончательная потеря Нагорного Карабаха в 2023 году, но и то ослабленное состояние страны, которое характерно для нее на сегодняшний день. Фактически Армения окончательно потеряла свой политический суверенитет и является разменной картой в игре крупных геополитических игроков, часть которых находятся слишком далеко для оперативной помощи (США и Франция). Можно предположить, что более взвешенная экономическая политика вкупе с умелой дипломатией могли бы дать лучшие результаты. Однако главный итог сказанного состоит в другом: нельзя в лобовом столкновении победить противника, который в три раза сильнее тебя, равно как и нельзя провоцировать такого опасного соседа. В таких случаях нужна гораздо более тонкая и взвешенная политика, исключая прямое столкновение и направленная на создание полезных двусторонних альянсов. В завершение подчеркнем: из таблицы 1 видно, что даже при удержании Нагорного Карабаха Армения не могла добиться радикального

изменения в соотношении сил с Азербайджаном. Это позволяет говорить о своеобразной исторической ошибке верховной власти Армении с самого начала 32-летнего конфликта.

2. Россия / Украина. Другой не менее симптоматичный пример дают отношения Украины и России, соотношение сил для которых приведено в *таблице 2*. К моменту обретения своей государственности Украина была достаточно могущественной страной. Достаточно сказать, что она стала самым крупным по территории европейским государством, превосходя европейскую территорию Франции; по численности населения она только на 10% уступала Франции, что также ставило ее в первый ряд европейских держав. Однако, нарушив военный нейтралитет, Украина начала движение по вступлению в НАТО и превращению во враждебное России государство. Это был довольно скользкий путь, если учесть, что соотношение потенциалов (1) для пары Россия / Украина в 1992 году составляло $I = 8,8$, что намного превосходило критическую границу (2). При таком подавляющем преимуществе со стороны ближайшего соседа с ядерным арсеналом Украина начала крайне рискованную политику, которая в 2014 г. завершилась аннексией Крыма, а

Таблица 2. Относительные показатели потенциала Украины, России и Франции

Относительный показатель	Год	
	1992	2022
Население (I_n)		
Россия / Украина	2,86	4,12
Франция / Украина	1,10	1,88
Экономический потенциал (ВВП) (I_E)		
Россия / Украина	2,96	11,90
Франция / Украина	3,25	8,40
Технологический потенциал (душевой ВВП) (I_T)		
Россия / Украина	1,03	2,89
Франция/Украина	2,95	4,47
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
Россия / Украина	+/-	+/-
Франция/Украина	+/-	+/-
Территориальный потенциал (I_T)		
Россия / (Украина + восточные области)	28,33	
(Россия + восточные области) / Украина	36,77	
Франция / (Украина + восточные области)	0,91	
Франция / Украина	1,18	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

в 2022 году – неполной аннексией еще четырех областей – Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской. В итоге в 2022 году соотношение потенциалов (1) с учетом вычета пяти восточных областей для пары Россия / Украина составило уже $I = 13,9$. Одновременно с этим аналогичный показатель для пары Франция / Украина в 1992 и 2022 гг. возрос с $I = 2,05$ до $I = 3,98$ соответственно. Тем самым по сравнению с Украиной совокупная мощь Франции, в 1992 году балансировавшая на границе стратегического преимущества ($I \approx 2$ раза), в 2022 году достигла безоговорочного превосходства ($I \approx 4$ раза). Россия же по указанному показателю осуществила за 30 лет прыжок от 9-кратного до 14-кратного превосходства. В настоящий момент на территории Украины ведутся боевые действия и, независимо от исхода военной операции, восстановление ее потенциала находится под большим вопросом.

Сказанное свидетельствует, как излишне агрессивная и рискованная политика Украины по отношению к соседу, обладающему безоговорочным стратегическим превосходством, привела не к ее усилению, а, наоборот, к заметному ослаблению. Вместе с тем пример альтернативной стратегии дает Белоруссия, которая имела гораздо более скромные показатели по сравнению с Украиной, но смогла поддерживать взвешенную политику и сохранить, а отчасти и упрочить свой геополитический потенциал.

3. Северная Корея / Южная Корея. Диаметрально противоположный пример дает пара стран-соседей – Южная Корея и Северная Корея (табл. 3). После разделения единой страны в 1945 году и завершения Корейской

войны (1950–1953 гг.) Южная Корея весьма динамично развивалась, находясь в орбите стратегических интересов США. Надежных данных для сравнения ВВП двух стран нет, но имеются признаки того, что ВВП Южной Кореи намного превосходит его величину у северного соседа. Вместе с тем по площади территории небольшое преимущество имеется у Северной Кореи, а стратегическое преимущество по населению Южная Корея к настоящему времени потеряла ($I_N < 2$). Однако самым главным является тот факт, что в 2005 году Северная Корея официально вошла в группу стран Ядерного клуба, тогда как Южная Корея аналогичного оружия не имеет. Тем самым за 77 лет после разделения Корейского полуострова на две страны Северная Корея смогла сократить стратегическое отставание в численности населения и получить решающее военное преимущество, что и позволяет поддерживать стратегический паритет и устойчивое политическое равновесие между странами с очень разными политическими и институциональными системами.

4. Индия / Пакистан. Похожий на предыдущий пример дает пара стран-соседей – Индия и Пакистан. Когда-то эти страны также составляли единое государство, однако впоследствии из-за территориальных трений между ними возникли сложные политические отношения. В 2022 году общий показатель стратегического превосходства Индия / Пакистан составил $I = 4,85$, что говорит о полном доминировании Индии в рассматриваемом тандеме (табл. 4). При этом Индия вступила в Ядерный клуб в 1974 году, а Пакистан сделал это только через 24 года – в 1998 г. С этого момента стратегическое превосходство Индии сдерживается,

Таблица 3. Относительные показатели потенциала Северной Кореи и Южной Кореи

Относительный показатель	Год	
	1992	2022
Население (I_N)		
Южная Корея / Северная Корея	2,09	1,97
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
Южная Корея / Северная Корея	–/–	–/+
Территориальный потенциал (I_T)		
Южная Корея / Северная Корея	0,83	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

Таблица 4. Относительные показатели потенциала Индии и Пакистана

Относительный показатель	Год	
	1992	2022
Население (I_n)		
Индия / Пакистан	7,81	6,25
Экономический потенциал (ВВП) (I_E)		
Индия / Пакистан	5,24	7,81
Технологический потенциал (душевой ВВП) (I_T)		
Индия / Пакистан	0,67	1,25
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
Индия / Пакистан	+/-	+/+
Территориальный потенциал (I_L)		
Индия / Пакистан	4,09	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

хотя ее преимущество по некоторым направлениям даже возрастает. Здесь имеет место случай не слишком устойчивого равновесия за счет военного фактора, хотя перевес сил явно остается на стороне Индии. Тем не менее Пакистан с провальными начальными условиями смог выровнять ситуацию и умело поддерживает неустойчивое равновесие.

Похожие примеры можно продолжать, однако главное ясно: мир дает примеры, когда стратегические преимущества одних стран успешно и аккуратно сдерживаются продуманной политикой соседей-конкурентов; есть и другие примеры, когда безответственная политика руководства более слабых государств приводит к их еще большему ослаблению. Судя по всему, в ближайшие годы следует ожидать лавины геополитических столкновений, в которых эффект стратегических преимуществ будет играть главную роль. Одним из наиболее показательных примеров такого рода служит попытка Венесуэлы аннексировать большую часть территории соседней Гайаны. Учитывая, что в 1992 году население Венесуэлы было в 28,6 раза больше, чем Гайаны, а в 2022 году это преимущество составило уже 34,5 раза, то неудивительно, что с таким численным перевесом крупный игрок хочет дополнительно усилить свое положение за счет богатых нефтеносных месторождений соседа. Такая экспансионистская логика будет распространяться по миру, пока не сформируется новый мировой порядок с характерными для него международными сдержками и противовесами.

Эффект стратегических преимуществ: перспективы и прогнозы

Эффект стратегических преимуществ является живой субстанцией. Он может внезапно иссякнуть, а может появиться почти на пустом месте. Это создает изрядный потенциал политической интриги в современной мирохозяйственной системе. Благодаря этому эффекту будущее становится почти непредсказуемым, хотя контуры его можно заранее очертить. Не стараясь охватить весь спектр возможных рокировок, остановимся только на некоторых из них для иллюстрации основных тезисов. При этом акцент будем делать не на конфликтных точках, а на центрах будущей геополитической активности, которые придут на смену нынешним.

Для определенности рассмотрим набирающую силу и популярность страну – Иран, фоном для которой возьмем Германию (табл. 5). На первый взгляд, складывается почти беспроблемная ситуация для Ирана, однако при более пристальном изучении все оказывается не так просто. Еще в 2010 году население Ирана было на 6 млн чел. меньше, чем в Германии, а в 2022 году – уже на 5 млн чел. больше. В то время как в Иране в среднем каждый год население увеличивается на 1 млн чел., в Германии в последние годы наметилась депопуляция. Если тенденции сохранятся, то к 2035 году в Иране будет проживать более 100 млн чел. против 84 млн чел. в Германии; и это не предел, если учесть, что территория Ирана в 4,6 раза больше, чем Германии. Все отрасли ИРИ на низком старте, следовательно, можно ожидать мощного

Таблица 5. Относительные показатели потенциала Ирана и Германии

Относительный показатель	Год	
	1992	2022
Население (I_n)		
Иран / Германия	0,75	1,06
Экономический потенциал (ВВП) (I_E)		
Иран / Германия	0,30	0,30
Технологический потенциал (душевой ВВП) (I_T)		
Иран / Германия	0,40	0,28
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
Иран / Германия	—/—	—/—
Территориальный потенциал (I_t)		
Иран / Германия	4,61	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

рывка в объеме ВВП. При этом страна в предстоящее десятилетие наверняка пополнит ряды государств Ядерного клуба, в то время как Германии такую возможность не предоставят патронирующие ее США. Если же к сказанному добавить, что Германия в процессе отсечения от дешевых русских энергоносителей находится на грани неконкурентоспособности и выводит свои производства в США, Китай и Бразилию, а Иран обладает богатейшими запасами углеводородов, то можно смело предположить, что центр европейской промышленной активности, скорее всего, сдвинется в сторону Ирана. Через 20–25 лет ИРИ способна превратиться в нового гиганта мирового масштаба, по сравнению с которым Германия будет казаться карликом.

Это небольшие зарисовки относительно возможного роста сегодняшних «изгоев» мировой экономики. Однако не менее впечатляющая ситуация представляется и относительно сегодняшних лидеров. Например, Япония уже давно застопорилась в своем развитии, и все указывает на то, что этот процесс может затянуться еще на многие годы, если не навсегда. Хотя Страна Восходящего Солнца активно ищет нестандартные пути оживления своей экономики (Губайдуллина, 2016), похоже, что она исчерпала эффект масштаба — на ее островах больше нет возможности увеличивать население без кардинального ухудшения качества жизни, что разительно контрастирует с Ираном, который находится на инфраструктурном старте с нераскрывшимся эффектом масштаба

(Balatsky, Ekimova, 2023). Ситуация, похожая на японскую, хотя и со своими оттенками, характерна для Германии, лимит роста которой, похоже, тоже исчерпан.

Разумеется, таких примеров можно привести много. Так, Турция по численности населения также обогнала Германию — самую многолюдную страну Европы. Напомним, что территория Турции в 2,2 раза превосходит территорию Германии, что говорит о ее стратегическом преимуществе. Учитывая климатические и прочие особенности этих двух стран, можно предположить, что в перспективе Турция может в 2 раза превзойти Германию по населению, а это порядка 160–170 млн чел. Такой результат мог бы сместить всю европейскую экономику ближе к Турции, за которой стоит рассмотренный нами выше другой нарождающийся гигант — Иран. Последний по территории почти в 1,9 раза больше Пакистана, в котором 227 млн чел.; простые расчеты показывают, что в Иране могло бы разместиться до 400 млн чел. Разумеется, такие демографические сдвиги не могут произойти быстро, но уже сейчас преимущество Турции и Ирана очевидно по сравнению с ведущими европейскими государствами. Время и комбинация исторических событий способны усилить их изначальные геополитические преимущества до уровня стратегических.

Против подобных футурологических картин можно привести множество контраргументов, однако все они наталкиваются на то обстоятельство, что феномен стратегических преимуществ

ществ базируется на объективных условиях и на эффекте масштаба. Последние три десятилетия показали поразительное экономическое, технологическое и военное усиление за счет эффекта масштаба Китая и Индии, которые за это время вырвались из нищеты и многолетне-го прозябания в разряд гигантов мировой политики. Сегодня за этими первопроходцами, во многом уже растратившими эффект масштаба, идут страны второй генерации – Иран, Турция, Бразилия, Алжир и др. Именно они будут формировать экономический ландшафт XXI века.

Эффект стратегических преимуществ: уроки для России

Наличие феномена стратегических преимуществ – не новость, равно как и существование политики сдерживания развития «недемократических» стран. Что же из этого вытекает для России?

Использованный выше простой аналитический инструментарий помогает определить болевые точки России и наметить стратегические направления ее развития. Для этого рассмотрим данные *таблицы 6*. В ней базой сравнения для России выбраны США, которые не только являются государством-лидером, но и активно противостоят России.

Анализ показывает, что США сегодня обладают абсолютными стратегическими преимуществами над Россией по трем из пяти направлений. По ним усредненный индекс превосходства США составляет 3,05, что говорит само за себя; по четырем направлениям, кроме военного, критерий доминирования США также

выполняется: $I = 2,43 > 2$. Преимущество России заключается в большей территории, но и оно не дотягивает до стратегически значимого значения, а по военному потенциалу можно условно говорить о наличии некоего паритета. Тем самым первый стратегический вывод, который вытекает из таблицы 6, состоит в том, что на ближайшие 30 лет России не следует думать ни о какой геополитической гегемонии, а монотонно работать в направлении «исправления» трех провальных индексов. Для этого можно задать целевые установки через 30–35 лет, которые предполагают не столько обретение стратегических преимуществ над США, сколько достижение простого паритета.

Если исходить из сказанного, то России предстоит разработать тонко выверенные три стратегии – демографическую, экономическую и технологическую. Все три направления предполагают крайне амбициозные задачи, которые в обычных условиях недостижимы, однако в условиях геополитической турбулентности и слома старого порядка шансы становятся более реалистичными.

Следует заметить, что даже после достижения намеченного паритета России с США по трем направлениям вопрос о ее возможном лидерстве остается во многом чисто метафорическим. В связи с этим даже в долгосрочной перспективе можно удовлетвориться достойным местом страны в мирохозяйственной системе. К тому времени возникнут новые обстоятельства, в свете которых вопрос о геополитическом главенстве России можно будет ставить

Таблица 6. Относительные показатели потенциала России и США

Относительный показатель	Год	
	2022	2052
Население (I_n)		
США / Россия	2,34	1,00
Экономический потенциал (ВВП) (I_E)		
США / Россия	4,78	1,00
Технологический потенциал (душевой ВВП) (I_T)		
США / Россия	2,04	1,00
Военный потенциал (наличие ядерного оружия)		
США / Россия	+/+	+/+
Территориальный потенциал (I_L)		
США / Россия	0,57	
Рассчитано по: данные Всемирного банка и МВФ. URL: https://databankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf ; https://database.earth/population/by-country/2022		

под иным углом, более соответствующим новым вызовам. Подробное обсуждение конкретных решений по достижению стратегического паритета с США, а затем и превосходства выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Рассмотренные выше вопросы позволили нарисовать более объемную перспективу наметившихся геополитических сдвигов.

Во-первых, можно утверждать, что главным драйвером предстоящих страновых рокировок станет эффект масштаба, который в разных государствах имеет иногда несопоставимые резервы. Этот эффект может быть количественно оценен, что позволяет осуществить картографирование расклада сил в мировой политической системе. Теоретические положения в данном случае удачно сопрягаются с вычислительной практикой.

Во-вторых, использование объяснительного потенциала предложенной авторской политической модели суверенитета «лидер – сателлиты/противники – нейтральная зона» дает указание на возникновение новых очагов геополитической и экономической активности в странах, относящихся к числу противников нынешнего гегемона – США. Среди таковых Россия, Иран, Турция и другие государства с нерастраченным эффектом масштаба. Вхождение мировой системы в режим многополярности и геополитической турбулентности, скорее всего, приведет к ослаблению эффекта сдерживания экономического развития названных стран со стороны США.

В-третьих, намечающийся парад суверенитетов со стороны крупных стран, многие годы сдерживаемых американской гегемонией, ведет к активизации феномена стратегических преимуществ, который будет иметь решающее зна-

чение в переформатировании мира в предстоящие 10–15 лет. С большой вероятностью этот период ознаменуется попытками пересмотра границ между многими государствами, оказавшимися в зоне действия феномена стратегических преимуществ.

В-четвертых, в возникшем противостоянии Россия / США на сегодняшний день обладателем феномена стратегических преимуществ выступают Соединенные Штаты. Россия, являющаяся осколком рухнувшего в 1991 году СССР, на протяжении 30 с лишним лет представляла собой классический пример страны с управляемым развитием с явно выраженным вектором на сдерживание. Вместе с тем у России есть свои козыри в большой игре и скрытые резервы. С точки зрения перспектив РФ способна принципиально усилить экономические позиции за счет запуска долгое время спящего и пока совершенно нерастраченного эффекта масштаба. Именно эти преимущества стране следует реализовывать в предстоящие 30 лет. «Выправление» Россией демографических, экономических и технологических характеристик будет проходить на фоне ослабления прежних передовых государств и усиления стран, которые долго оставались в тени. Образование эффективных альянсов с указанными государствами позволит России ослабить сдерживающее давление со стороны нынешнего лидера – США.

Можно предположить, что практика проектирования целевых индикаторов для России с использованием метода идентификации феномена стратегических преимуществ поможет в разработке ее стратегии развития, эффективно сочетающей проактивный экономический рост с аккуратной и взвешенной внешнеполитической позицией.

Литература

- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Арриги Дж. (2009). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Балацкий Е.В. (2018). Ущерб России от международных санкций: переосмысливая факты // Мир новой экономики. Т. 12. № 3. С. 36–45.
- Балацкий Е.В., Гусев А.Б., Юревич М.А. (2016). Макрооценка ресурсной зависимости российской экономики. М.: Перо. 243 с.

- Белова Л.Г. (2019). Особенности инновационного развития малых передовых стран азиатско-тихоокеанского региона – Гонконга, Тайваня и Сингапура // *Россия и Азия*. Т. 7. № 2. С. 31–45.
- Валлерстайн И. (2006). *Миросистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего. 248 с.
- Вякина И.В. (2021). Оценка уровня риска и стратегических преимуществ компании от интеграции и межотраслевой кооперации в условиях цифровизации // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. Т. 12. № 3. С. 329–342. URL: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.3.329-342>
- Громова М.А. (2019). Источники конкурентного преимущества фирм: взгляд школ стратегий // *Наука и техника*. Т. 18. № 1. С. 82–88. URL: <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2019-18-1-82-88>
- Губайдуллина Ф.С. (2016). Трансформация экономической модели Японии // *Современная конкуренция*. Т. 10. № 4. С. 74–89.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2012). *Догоняющее развитие: современная трактовка*. М.: Институт экономики РАН. 45 с.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2013). Тайна догоняющего развития // *Вопросы экономики*. № 1. С. 81–96.
- Красильщиков В.А. (2003). Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм? // *Мир России*. № 4. С. 3–43.
- Красильщиков В.А. (2020). Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 3. С. 7–26.
- Кузнецов А.В. (2018). Интеграционные процессы в АТР с участием Китая и позиция России // *Финансы: теория и практика*. Т. 22. № 5. С. 95–105.
- Лайкер Дж. (2005). *Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира*. М.: Альпина Бизнес Букс. 402 с.
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2021). Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. Т. 12. № 4. С. 60–70.
- Новиков И.А., Лихарева Н.Д. (2020). Географическая направленность экспорта: взгляд за пределы гравитационной модели (на примере четырёх «азиатских тигров») // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. № 3. С. 33–50.
- Петухов В.А. (2023). «Азиатские тигры»: опыт экономического успеха // *Управленческий учет*. № 11. С. 126–136.
- Полтерович В.М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 6–16.
- Полтерович В.М., Попов В.В. (2006). Эволюционная теория экономической политики. Часть I. Опыт быстрого развития // *Вопросы экономики*. № 7. С. 4–23.
- Портер М. (2016). *Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов*. М.: Альпина Паблишер, 2016. 456 с.
- Сакс Дж. (2022). *Эпохи глобализации: география, технологии и институты*. М.: Издательство Института Гайдара. 368 с.
- Таран Е.А., Жиронкина О.В. (2021). Возможен ли эндогенный рост в российской экономике в условиях экономической конвергенции? // *Экономика и управление инновациями*. Т. 18. № 3. С. 35–46.
- Турчин П.В. (2024). *Конец времен*. М.: АСТ. 432 с.
- Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Signs of eventual domination. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(5), 33–54.
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2023). Identifying regional foci of potential geopolitical activity on the basis of demographic scale effect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 138–154.
- Engel J.H. (1954). A verification of Lanchester's law. *Journal of the Operations Research Society of America*, 2(2), 163–171.
- Lanchester F.W. (1916). *Aircraft in Warfare; the Dawn of the Fourth Arm*. London: Constable and Company.
- Ragheb M. (2015). Lanchester law, shock and awe strategies. *Journal of Defense Management*, 6(1), 1–3. DOI: 10.4172/2167-0374.1000137
- Teece D.J., Pisano G., Shuen A. (1997). Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 18(7), 509–533.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Balatsky E.V.

The Phenomenon of Strategic Advantages in the 21st Century

Abstract. The article investigates issues concerning the development of countries amid geopolitical turbulence. In particular, it is shown that the development of the world economic system has two phases: monocentricity, with a leader country and the world order it has established; and multipolarity with an increasing chaos and the struggle of many countries for the reconstruction of the world. These processes are based on scale effect, which at the stage of multipolarity operates in the external sphere in the form of territorial expansion, and at the stage of monocentricity – in the internal sphere in the form of technological innovations within the corporate sector of individual countries. The paper considers the restoration of the phenomenon of strategic advantages, which barely manifested itself in the geopolitical space for a long time. To explain the cyclical rising of this effect, we introduce the concepts of independent (natural) and controlled (artificial) development instead of the concepts of outstripping development and catching-up development that are fading into the background; we show that artificial development exists in the form of acceleration and containment. This made it possible to put forward a political model of sovereignty “leader – satellites/opponents – neutral zone” instead of I. Wallerstein’s technological model “core – semi-periphery – periphery”. We propose and substantiate a quantitative criterion for strategic advantages, according to which they are observed under multiple differences (twofold or more) in the economic indicators of the compared countries. The framework study uses five indicators: area, GDP, population, technology level (GDP per capita), availability of nuclear weapons; the first four parameters are assessed quantitatively with the help of strategic advantages index; the fifth parameter is assessed qualitatively. We consider examples of the phenomenon of strategic advantages for bilateral relations: Azerbaijan/Armenia; Russia/Ukraine; South Korea/North Korea; India/Pakistan, etc. We also reveal the significance of this effect for Russia’s long-term foreign policy strategy.

Key words: geopolitical turbulence, economies of scale, phenomenon of strategic advantages, bilateral relations, potential.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: EVBalatskij@fa.ru)

Статья поступила 01.03.2024.